

ТРАДИЦИИ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ И ХРАНЕНИЯ РЕПЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ВЗГЛЯД ЭТНОЛИНГВИСТА

К.В. Осипова

Ксения Викторовна Осипова | <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112> | osipova.ks.v@yandex.ru | д. филол. н., доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации | Уральский федеральный университет (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия)

Ключевые слова

Русский Север, этнолингвистика, топонимия, диалектная лексика, история сельскохозяйственных культур, репа

Аннотация

Статья опирается на корпус лексических и ономастических данных, собранных в ходе полевых исследований на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей, а также на материалы лексикографических и этнографических источников. В этнолингвистическом аспекте рассмотрены топонимы и географические термины, мотивационно связанные со словом *репа* (*репище*, *Репная Яма* и др.), а также комплекс культурно-языковых фактов, относящихся к выращиванию и хранению репы. Методы ареально-типологического и контекстного анализов лексики позволили восстановить особенности возделывания репы при подсечно-огневом земледелии и обнаружить влияние прибалтийско-финских бытовых практик на севернорусскую традицию. Охарактеризована география распространения *репищ* как названия лесных участков, выжженных и расчищенных под посев репы, льна и ржи, а также традиции организации “репных ям” – лесных необорудованных хранилищ для репы.

Несмотря на известную значимость репы в рационе славян, ни ее культурная история, ни приписываемые ей символические функции не имели прежде должного освещения в научной литературе. Исследования, посвященные символике репы в славянской культуре, начали выходить только в 2000-х годах (*Березович, Усачева* 2009; *Бунчук* 2000, 2010; *Дьячкова, Доля* 2023; *Крашенинникова* 2009; *Топоров* 2004; *Фомичев* 2022). Перечисленные работы отчасти восполнили существовавший пробел и представили основные ритуальные практики и символические значения репы: символика плодородия, эротические коннотации, хтонические мотивы, функция ритуального заместителя реальных предметов (ср. традицию вырезать репные гробики для мух, репные зубы ряженных и проч.) и др. В то же время история репы как сельскохозяйственной культуры

Статья поступила 05.02.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 13.03.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Осипова К.В. Традиции возделывания и хранения репы на Русском Севере: взгляд этнолингвиста // Этнографическое обозрение. 2024. № 3. С. 180–200. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030103> EDN: BRBPOY

Osipova, K.V. 2024. Traditsii vzdelyvaniia i khraneniia repy na Russkom Severe: vzgliad etnolingvиста [Traditions of Cultivation and Storage of Turnips in the Russian North: The View of an Ethnolinguist]. *Этнографическое обозрение* 3: 180–200. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030103> EDN: BRBPOY

ры, особенности ее распространения и возделывания, место в рационе древних славян и других народов Европы до сих пор остаются за рамками исследований.

Имеющиеся в научной литературе сведения достаточно скупы: репу начали культивировать около 4 тыс. лет назад, она была известна грекам и римлянам, а к славянам могла проникнуть как южным путем, так и из Северной Европы (Баранова 2017; Бексеев 1999). В России наибольшее распространение репа получила на Русском Севере — ее короткий вегетационный период позволял получать урожай в недолгое северное лето: самыми “северными предельными пунктами выращивания овощей являлись районы Архангельской губернии, заселенные великороссами по долинам рек с иловатой почвой и наносными валунами. В этих местностях было возможно только выращивание культур с 3-х месячным сроком вегетации” (Пивоваров, Солдатенко 2022: 24). В начале XVIII—XIX вв. посадки репы во многих северных районах еще значительно превосходили другие овощи: из-за пищевой ценности и скороспелости репа считалась здесь “вторым хлебом” (Милов 1998: 75, 259, 261 и др.). Благодаря своим пищевым свойствам и объему выращивания репа на Русском Севере в какой-то мере заменяла капусту, составлявшую основу овощного рациона в среднерусской полосе, но не возделываемую во многих северных районах в силу большей прихотливости к условиям произрастания.

Полевые лингвистические исследования уральских лингвистов, уже более 60 лет проводимые на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей, позволили выявить обширный пласт ономастики и апеллятивной лексики, связанный с выращиванием и употреблением репы: названия репы, участков, предназначенных под ее посадку, помещений для ее хранения, обозначения способов кулинарной обработки репы и основных блюд из нее. Учитывая, что ономастике присуща значительная консервативность, она позволяет восстановить историю повседневной жизни северорусских крестьян в не меньшей, а порой и в большей степени, чем сохранившиеся свидетельства материальной культуры. Целью данного исследования является реконструкция некоторых традиционных агрономических и хозяйственных практик, связанных с возделыванием и хранением репы, с опорой на корпус диалектной лексики. Помимо лингвистических источников (диалектные словари и картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета), привлекается также ряд историко-этнографических и фольклорных изданий XIX—XXI вв.

Ареал, который охватывает исследование, включает Архангельскую и Вологодскую области, а также примыкающие к ним районы Карелии и Костромской области. Кроме того, спорадически привлекаются данные русских диалектов восточных территорий — Вятки, Прикамья, Среднего Урала, Зауралья и Сибири. В некоторых случаях учитываются данные, полученные в результате исследования традиций (преимущественно прибалтийско-финских) народов, контактировавших с русскими на изучаемых нами территориях, с целью выявить типологически или генетически близкие культурно-языковые явления. Поскольку для прибалтийских финнов репа также была основной овощной культурой¹, можно предположить, что их сельскохозяйственные практики оказывали влияние на земледельческую культуру славян, освоивших северные территории позднее. Примечательно, что *финляндская*, или *чухонская*, репа даже считалась “своеобразной культурой северного района и вывозилась в Петербург именно под именем *финляндская репа* (курсив мой. — К.О.)” (Пивоваров, Солдатенко 2022: 24).

Участки для возделывания репы. О широте возделывания репы на севернорусских территориях свидетельствует ареал географического термина *репище* (или *рипище*) в значении “поле, где растет репа”² (фонетические варианты слова обусловлены особенностями перехода фонемы *ř* в севернорусских говорах в <e> или <i>). Термин “рѣпище” отмечен уже в северных диалектах древнерусского языка. Его фиксируют псковские, новгородские и двинские документы, начиная с XIV в., в значениях “репное поле” и “род поземельного владения”, ср.: “Дал есмь въ домъ святому Николи въ Чюхченему ... на рѣпищи гоны земли и притеребь” (ок. 1350) (Срезневский 1989: 222); “Он же Михайло на рипишах рожь да рѣпу сияль” (1641); “Да за рѣкою за Двиною рипиша косить на себя” (1696) (Шаламова 1997: 146). В XX в. диалектные формы *репище* или *репище* в значении “поле, где растет репа” широко записывались практически на всей территории Архангельской области, в Белозерье, Карелии и на северо-востоке Костромской области (Пудож, Кондоп; Выт, В-Уст, Кад, Кир, У-Куб, Хар; Вель, Карг, Лен, Леш, Плес, Холм; Вох, К-С, Окт, Пав) (КСГРС б.г.; ЛКТЭ б.г.; СРГК 2002: 515)³ – севернорусская география распространения этого термина отражена на Рис. 1, где схематично представлены районы Архангельской, Вологодской и Костромской областей.

Расширение значения слова *репище* от “участок под посев репы” до “огород”, отмеченное в Белозерье и Пудожском районе Карелии, подтверждает ключевую роль этой сельскохозяйственной практики. В Костромской области термин *рипище* чаще всего фиксируется в значениях “надел земли, нарезаемый на ребенка” и “участок пахотной земли, предназначенный для сева”, сохраняющих память о подушевом выделении лесных участков земли под разработку и сев. “Рипище” было тем минимальным наделом (ок. 10 соток), который выдавался на одну душу и из которого складывался участок всей семьи – “кулига” (40–50 соток): “Рипиша нарезали, где земля свободная есть. Родится – намеряют рипище десять соток. Вышла замуж девочка – рипище отбирают” (Окт) (ЛКТЭ б.г.). В Макарьевском районе отмечены свидетельства единоличного возделывания “репищ” с последующим делением урожая на всех односельчан: “Там единолично репу сеяли и делили между всеми” (Мак) (ТК б.г.).

Значение слова *репище*, или *рипище* (“лесной участок, выжженный и расчищенный под посев репы, а также льна и ржи”), характерное для Архангельской области и Карелии (К-Б, Нянд, Онеж, Уст; Кондоп, Пудож) (КСГРС б.г.; СРГК 2002: 515), отражает былое распространение в лесной зоне Русского Севера системы подсечно-огневого земледелия и связанных с ней принципов севооборота сельскохозяйственных культур: “Рипешше выжжено, выпетано, лен и рожь сажали” (Вель); “Рипишше вырубись да сожгеш пни и ржу, репу на нем сеяли” (Кон); “Под репу только жгли, мало земли было” (Медв) (КСГРС б.г.; СРГК 2002: 515). После вырубки и выжигания ольхового или березового леса в первый год на богато удобренную золой почву сеяли репу, рожь или лен, во второй – ячмень или овес, в третий – репу, после чего участки забрасывали (Логинов 1993: 15; Копанев 1978: 162; Власова 2009: 139). Показательно, что наряду с термином *репище* в качестве обозначения расчищенных под посеvy участков земли на Русском Севере употреблялись, хотя и не столь широко, термины *лѣнище* и *рѣище* (Куркина 2011: 203–204), что отражало состав культур, участвовавших в севообороте и высаживавшихся первыми после расчистки надела.

Подсечно-огневой способ земледелия дольше всего сохранялся в Архангельской области, тогда как на более южных территориях Вологодской области репу

уже нередко сеяли “в пару” (РК 2006–2009, 5/3: 625). В отдельных северных районах Костромской области воспоминания о подсечно-огневом способе разработки сложных лесных участков под репу и лен записывались и в начале XXI в.:

Сенокосные места называют рипище. Раньше отвоевывали каждую сотку, каждый метр у леса. Сперва лес вырубали, потом жгли этот лес, катали голвни, пни корчевали, засевали льном <...> у самых пней сеяли репу, потому что на огнищах репа растет хорошо. Шла на корм себе, на корм скоту. И вот такие места после специальных запалов называли рипище. Когда-то сеяли репу на выжженных местах, хотя потом уже и лесом заросло это место – все равно рипище <...> От бабушки слышала, что репу сеяли на выжженных, на откосах, на склонах⁴ (Вох) (ЛКТЭ б.г.).

Впоследствии из-за сокращения сельскохозяйственных угодий лесные *репища* были заброшены, и репа стала высаживаться не на “рипищах”, а на небольших грядках в огороде, поэтому для многих информантов соотношение терминов *рипище* и *репа* перестало быть очевидным (закрепившись в форме *рипище* с корневым *-и-*, термин ускорил свою деэтимологизацию). Перешли на придомовое возделывание репы и поморы. По свидетельству К.П. Гемп, поморы различали *репник* – грядку для выращивания брюквы, *репничок* – грядку для выращивания репы и *репище* – участок для выращивания репы: «Под брюкву гряды зовем “репник”, с репищем не мешаем, разное обихаживаем. Брюква требует больше, чем репа. Репка-то попроще будет» (Гемп 2004: 382). *Репники* упоминались при описании поморских дворовых комплексов (Бернштам 1978: 124). Вероятно, *репники* изначально были придомовым вариантом выращивания именно репы, а не брюквы, и противопоставлялись удаленному от деревни *репищу*, которое разрабатывалось подсечно-огневым способом.

Иногда к выбору земли для посадки репы подключались субъективные критерии – например, такие как запах почвы, который, возможно, помогал выделить влажные, пригодные для репы участки: «Тетка пойдет, землю понюхает, скажет: “Тут не надо сажать – репа плоха будет. А вон тут хороша будет репа”» (Карг) (Мелехова 1993: 11). Известно, что репу старались сажать вблизи рек в *подполе*, т.е. в низине в конце поля, где была более влажная и удобренная почва (Крысанов и др. 2011: 86).

Широкий ареал имеет соотносимый с географическим термином *репище* топоним *Репище* (*Рипище*) (ТК б.г.), известный абсолютно во всех районах Архангельской, Вологодской и Костромской областей (см. Рис. 1). Большая широта распространения топонима по сравнению с географическим термином объясняется его большей устойчивостью, связанной с закрепленностью за уникальным объектом – пространственным ориентиром. На территории указанных областей общее количество имеющихся фиксаций топонима *Рипище*, его фонетико-морфологических (*Репищо*, *Репища*, *Репищи* и *Рипищо*, *Рипища*, *Рипищи*) и структурных вариантов (*Куликово Рипище*, *Большое Репище* и проч.) в Топонимической картотеке Топонимической экспедиции УрФУ (Там же) составляет 752 единицы⁵, что подтверждает широту северной зоны культивирования репы. Топонимом *Рипище* не исчерпывается весь ряд названий, восходящих к основе *реп-*. Среди них многочисленны топонимы типа: *Рэпино* (деревня), *Рэпинское* (озеро, покос), *Рэпица* (покос), *Рэпишиное* (болото), *Рэпишные* (полосы на поле),

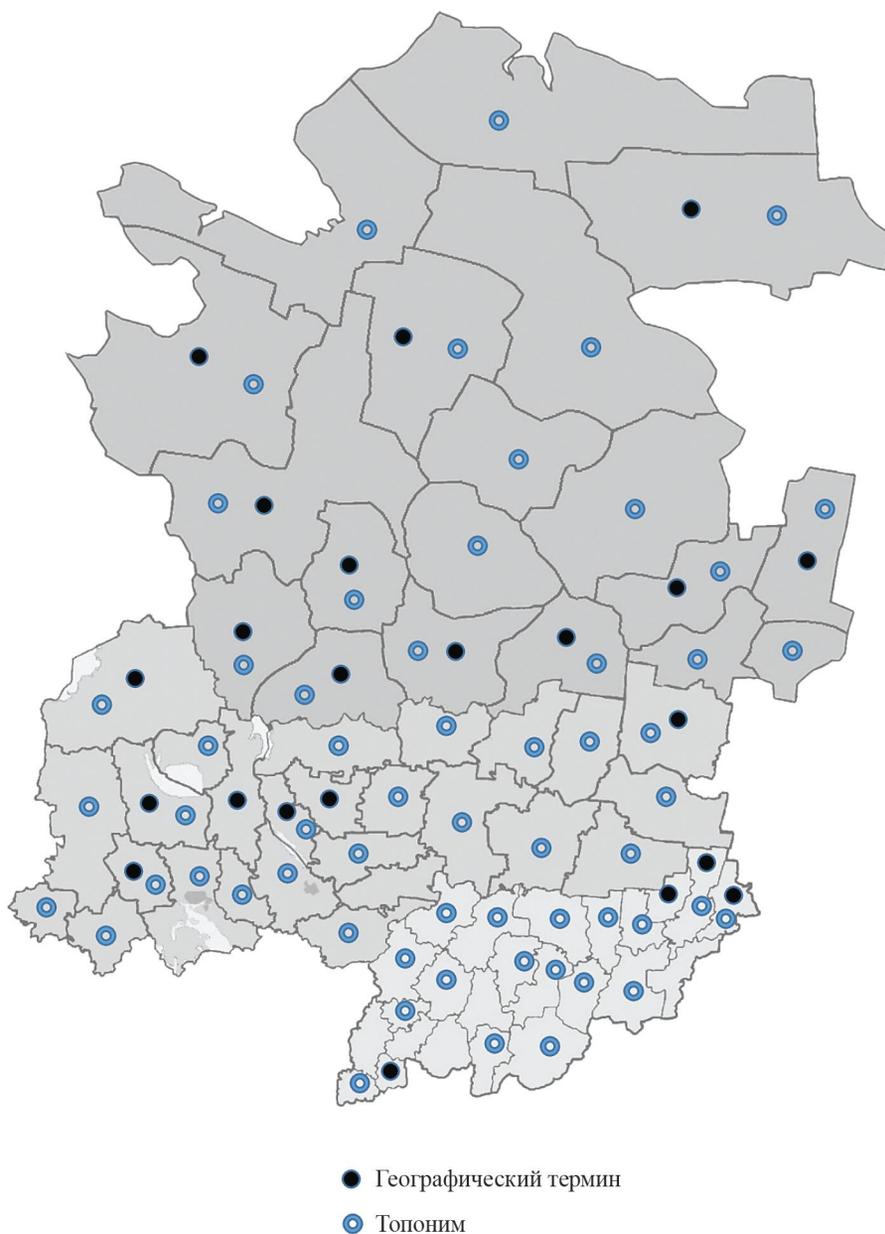

Рис. 1. Репише, рипише

Репишный лог (поле), *Репная поляна* (покос), *Репково* (покос), *Репная дорога*, *Репная грива* (место в лесу), *Репник* (остров, хутор), *Репниково* (деревня), *Репница* (поле, покос), *Репное* (лес, покос, поле), *Репной(-ый)* (ручей, остров), *Репные* (поле), *Репный бор* (лес), *Репный лог* (покос), *Рипишница* (поле), *Рипишцы* (поле) и мн. др., называющие самые разные объекты – от населенных пунктов до озер

и ручьев. Общее число фиксаций подобных топонимов приближается к 300. Большая часть из них, несомненно, соотносится с *репой*, однако в ряде случаев не исключена этимологическая связь с омонимичными основами, поэтому при картографировании они не учитывались.

Согласно материалам, собранным во второй половине XX – начале XXI в., топоним *Рупище* и его фонетико-морфологические варианты (*Репищо, Репища, Репищи* и *Рупищо, Рупища, Рупищи*) указывают на смешанный объект – пожню или поле – при несомненной первичности последнего: “Раньше на этом месте сеяли репу” (Бел) (КСГРС б.г.). Преимущественно “репища” находились в пределах 1–5 км от деревни: именно на таком расстоянии расположены объекты, называемые топонимом *Рупище*. Комментарии диалектоносителей подтверждают подсечно-огневой характер возделывания лесных участков земли: волог. “Там мужики раньше, наверное, репу посеяли, на горелом-то месте хорошо растет” (В-Уст) (КСГРС б.г.). При таком экстенсивном способе обработки земли “репища” достаточно быстро меняли статус объекта: расчищенное поле возделывалось лишь 3–4 года, а затем забрасывалось и использовалось как покос. Нередко встречаются топонимы, включающие в свой состав не только географический термин, но и отантропонимическое прилагательное, что подтверждает закрепление “репищ” за отдельной семьей: *Захáрово Рэпище* (Плес), *Дани́лково Рэпище* (В-Т), *Дёмино Рипище* (К-Г), *Кири́ллово Рэпище* (Холм), *Кóстино Рэпище* (Кад), *Купцо́во Рэпище* (В-Важ), *Мати́огино Рипище* (Ник), *Митрóхичево Рэпище* (В-Т), *Ми́шкино Рипище* (Парф), *Попóво Рипище* (Уст, Ней), *Прóхорово Рипище* (В-Т), *Ха́рино Рэпище* (В-Т), *Яки́мово Рэпище* (В-Т) и др.

Свидетельства о древних земледельческих практиках сохраняются не только в лексике, но и в северном фольклоре. Удаленность посадок репы и их расположение в густой лесной зоне способствовали рождению русских и прибалтийско-финских (карельских, вепских) сказок о совместном возделывании репного поля крестьянином и лесным хозяином-медведем, в которых незадачливому медведю доставалась репная ботва, а хитрому мужику или лисе – “корешки”-корнеплоды (ВНС 1996: 174–176; КНС 1967: 28, 374–375; РК 2006–2009, 2/1: 74); сказочный сюжет при этом следует за типичным севооборотом культур – чередованием посадок репы и злаков. В другой группе сказок полученный урожай репы крестьянину приходилось хитростью отбирать у нечистой силы, или же “нежить” помогала вырастить репу крупной. Во всех перечисленных сказочных сюжетах лесными сторожами репы оказывается лесная “нечисть” – черт, леший или змей. Так, сюжет о воровстве репы чертом лежит в основе заонежской сказки “Про Ивана-дурачка”, в которой трое братьев по наказу отца по очереди сторожат репное поле, а младшему Ваньке удается поймать и проучить воровавшего репу черта (*Онегина* 1986: 45–46). В севернорусской сказке “Лешева репа” мужик, вырастив в первый год репу с наперсток, с горя сказал: “Лешему бы всю репу!”. После этого через год репа выросла с блюдце, но права на нее заявил леший. Чтобы испугать лешего, хитрый мужик приехал за репой на бабе верхом, предварительно распустив ей волосы и поставив задом наперед⁶ (Старины и сказки 2009: 363–364); аналогичный сюжет имеет карельская народная сказка “Старик и черт на репном поле” (КНС 2010: 463–464). В водской сказке сеяли репу бог и черт: богу достались корешки-репки, черту – вершки (*Конькова* 2009: 125). В указателе финских мифологических рассказов упоминаются сюжеты, в которых змей стережет репное поле; колдун заклинает змею сторожить репное

поле, и змея разгоняет тех, кто пытался ее украсть; ворующий репу застревает на поле – колдун должен прийти, чтобы освободить его от чар (*Симонсуури* 1991: 89, 99, 100).

Мотив мужицкой хитрости, помогающей крестьянину отобрать урожай репы у стерегущей ее нечистой силы, находит совсем иной, изболитительный поворот в притче о краже репы и иллюстрирующем ее вологодском лубке “Яко напрасно нам виновен бес бывает”: крестьянин на огороде ворует репу у старца и пытается свалить вину на беса, который якобы научил его это сделать, но бес, на самом деле поставленный старцем стеречь репу, изболитывает мужика во лжи (*Иткина* 1992: 33–34, 207–208).

Сев и уборка репы. Комплекс регламентаций определял технологию сева и времени сбора репы. Сажали репу или ранней весной, или на Ивана Купалу (24 июня/7 июля) (*Милов* 2006: 261; РК 2006–2009, 5/3: 465), либо же в Петров день (29 июня/12 июля), называя *репа-петровка* (Лен) (КСГРС б.г.). Сев репы ранней весной и в разгар лета позволял получать два урожая (*Мелехова* 1993: 130), последний из которых шел на длительное хранение. Собирали репу в день Воздвижения, 14/27 сентября (*Березович, Усачева* 2009: 425; КСГРС б.г.), или в день *Никиты-Репореза*, 15/28 сентября (*Атрошенко и др.* 2015: 280).

Связанные с посадкой репы ритуальные действия, предписания и запреты были направлены на стимулирование ее роста: распахивая полосу под репу, крестьяне старались не говорить лошади “тпру”, т.е. не останавливать ее, иначе “родится худая и мелкая репа” (РК 2006–2009, 5/3: 486). Репные семена крестьяне обычно покупали, боясь брать свои из-за угрозы вырождения репы. По причине мелкого размера семян сев репы был крайне сложен. Типичным для Русского Севера был способ сева “плеванием”, ср. *плевать* (“сеять семена, набирая их в рот и раздувая по поверхности почвы”): “*Плевать морковь, репу*” – новг., олон., карел. (рус.), онеж., арх., волог., твер., перм., сиб., енис. (СРНГ 2003: 107)⁷. Иной способ предполагал, что семена предварительно смешивали с песком, а затем разбрасывали по полю. Сеять репу крестьяне-однодеревенщики поручали одному человеку, у которого “рука счастливая” (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.) (РК 2006–2009, 5/3: 465).

В Буйском районе Костромской области репу сажали только мужчины, чтобы она не цвела (ЛКТЭ б.г.): возникновение этой практики может быть обусловлено представлениями о связи цветов и цветения с женской символикой и физиологией женского организма (*Колосова* 2012). Высевая репу, вологжане приговаривали: “Рости, рости репка, не часта, не мевка, оботом по блюду, весом по пуду” (РК 2006–2009, 5/3: 373). Устойчивым мотивом было символическое соотнесение репы и ягодиц, уподобляемых репе по размеру, цвету и форме: чтобы репа росла лучше, в Вельском районе женщины, высевая репу, голым задом садились на землю со словами “Большая репка, расти!” (Приложение 2012). Мотив обнажения, связанный с севом репы, встречается в быличках: согласно одной из них, мужику, боронившему землю под посев репы, привиделась старуха в синем сарафане, которая «разголила задницу, да и “э-э-э-э” руки греет у огня» (*Криничная* 1989: 208).

Существовал устойчивый запрет на употребление репы в день Иоанна Предтечи (день усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа/11 сентября); в этот день считалось грехом есть что-либо круглое или резать круглые овощи ножом (Кадниковский уезд) (РК 2006–2009, 5/2: 437). Определившее этот запрет сим-

волическое соотнесение репы и головы⁸ было обусловлено не только формой, но и действительным размером северной репы, которая по многим свидетельствам вырастала величиною “с голову” или “с обыкновенную тарелку” (Мелехова 1993: 130; РК 2006–2009, 7/3: 9)⁹. За нарушение запрета следовало наказание, сопровождаемое ритуальным обнажением, что в целом вписывалось в комплекс сопровождающих репу мотивов, связанных с наготой и гениталиями: на Вологодчине нарушителя, сорвавшего репу раньше Ивана Постного (29 августа/11 сентября), раздевали донага, обматывали голову снятой одеждой и в таком виде проводили по деревне (РК 2006–2009, 5/1: 73).

При том что воровство репы было распространенным явлением (ср. волог.: “Репа и горох и сеются про воров” [Иваницкий 1890: 61]), в случае крайней необходимости крестьянам разрешалось брать небольшое количество чужой репы для собственного пропитания, что, вероятно, считалось жизненной необходимостью: “...тайное взятие плодов, – каковы: репа, редька, брюква и проч., с чужих полей, в небольшом количестве и только собственно для себя, не считается воровством” (Пин) (Ефименко 1869: 227). Мотив не оцениваемого как воровство угощения чужой репой находим в прикамском свадебном фольклоре: “– А вы, милые девчата, / Идите в чисто поле, / В широкое раздолье. / Там посеян загон репы. / Репу-то ешьте, но / Не воруйте, / Меня, дружку, не ругайте / И князя помилуйте! / А сами, красные девицы, / Замуж собирайтесь” (Болдырева, Толкачева 2018: 277).

Собранную осенью репу оставляли на хранение в специальных *репных ямах*. *Репные ямы* встречались на Русском Севере в нескольких функциональных вариантах. *Репные ямы* первого типа представляли собой придомовые оборудованные погреба, предназначенные для хранения овощей:

Яма эта похожа на колодец, только немного его пошире; в нее также спускают сруб, настилают пол и делают перегородки для разных овощей. Называется она репной ямой. Зимой репная яма тщательно закупоривается досками и соломой, чтобы овощи не замерзли. Иногда над ямой ставится небольшое бревенчатое здание с дверьми, на двери вешается замок для защиты овощей от воров, но здания эти строятся редко (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.) (РК 2006–2009, 5/3: 666).

Подобного рода репные погреба – полуопущенные в яму срубы с односкатной кровлей – считались характерными для Русского Северо-Запада вплоть до берегов Белого моря (Блюмквист 1956: 315; Бернштам 1978: 124).

Репные ямы второго типа представляли собой вырытые в грунте никак не оборудованные ямы, которые обычно располагались в удалении от деревни, непосредственно у места произрастания репы. Традиция хранить репу в лесных “ямах”, на которой мы остановимся подробнее, известна по этнографической литературе и, что примечательно, в основном на северных территориях. Устройство подобных *репных ям* описано Е.Э. Блюмквист (Блюмквист 1956: 315–316) с опорой на книгу М.Б. Едемского “О крестьянских постройках на Севере России”:

К сооружениям, имеющим значение построек лишь по своей функции, а не по форме, надо прежде всего отнести репные ямы или просто ямы, в которых хранятся огородные овощи: репа, редька, картофель, брюква (“галанка”).

Для ям избирается место с сухим песчаным грунтом, вблизи перелеска или кустарников (чтобы зимой заносило снегом), иногда на значительном расстоянии от деревни, и в стороне от дорог. Яма выкапывается до двух, до 3-х и более аршин глубиной <...> Овощи там укладываются ранней осенью прямо в песок, и пересыпаются “костицей” (кострикой), яма сверху засыпается немного костицей, а затем прикрывается соломой, хворостом и сверху — землей (дерном). В такой яме овощи отлично сохраняются до весны. Зимой обыкновенно из ям уже запасов и не берут, а берут только под весну; или, когда необходимость заставит взять часть хранимых в яме запасов среди зимы, то для этого пользуются более теплой погодой, чтобы ямы не “настудить” и не подвергнуть остатки овощей опасности порчи. Ямами пользуются иногда даже имеющие погреба (Едемский 1913: 90).

В Вологодской губернии земляные “репные ямы” для овощей были противопоставлены “погребным ямам”, которые весной забивались снегом и использовались в качестве летнего хранилища продуктов (РК 2006—2009, 5/3: 666).

Одна из ранних фиксаций термина *репная яма* относится к началу XVII в. Так, в Актах Холмогорской и Устюжской епархии упоминается “рѣпная яма”, которая, по всей видимости, была местом хранения репы: “Розскопали у меня... рѣпную яму” (1615) (Шаламова 1997: 146); в подобную яму входило не менее 40 пудов (640 кг) репы (Угрюмов 2003). Как географический ориентир в лесу упоминаются “старые рѣпные ямы” в пермском памятнике 1683 г. (Полякова 2010: 419). В виде следов бывшего культурного ландшафта *репные ямы* отмечены на Вытегре (Алѣшина-Матюшина 2010: 352; Алѣшина 2018) и Кенозерье, в языке местных жителей обозначаемые как *репища* (Прус 2020; Лойченко 2022).

Память о подобных лесных хранилищах сохраняет и севернорусская топонимия, записанная Топонимической экспедицией УрФУ. Название *Репная Яма* (ТК б.г.) во второй половине XX в. носили покосы или лесные урочища, которые изначально, несомненно, были объектами хозяйственного предназначения — местами хранения урожая репы. Этот топоним имеет довольно четкую ареальную специфику (см. Рис. 2): встречается в районе Белозерья (Белозерский, Вожегодский, Кирилловский и Вашкинский р-ны Вологодской обл.) и поясом уходит на северо-восток Архангельской области (Вельский, Устьянский, Верхнетоемский и Пинежский р-ны). Прочерченная изоглосса может отражать как объективную особенность распространения соответствующей хозяйственной практики, так и, к сожалению, быть следствием лакун в полевом сборе. Однако достаточно четкие границы ареала и методическая надежность топонимического сбора, проводимого сотрудниками Топонимической экспедиции на севернорусской территории, позволяют предполагать, что на карте мы видим реальную изоглоссу и стоящую за ней изопрагму — распространение лесных земляных хранилищ.

Помимо топонима *Репная Яма*, на Русском Севере известны топонимы с компонентом *яма*, закрепленные за объектами, используемыми для хранения картофеля: *Ямы*, гора — “Картошку на хранение там зарывали в землю, в ямы” (У-Куб); *Ямы*, урочище — “Картошку хранили зимой” (С-Гал); *За Картофельными Ямами*, поле (Кадый); *Оскины Ямы*, урочище — “Место, которое занимал Оска. Там все картошку хороняли” (У-Куб) (ТК б.г.). О практике выкапывания лесных ям для хранения картофеля также свидетельствуют контексты и сформулированные в них народные мотивировки топонимов: “В Степановской была Ладѣйка, там

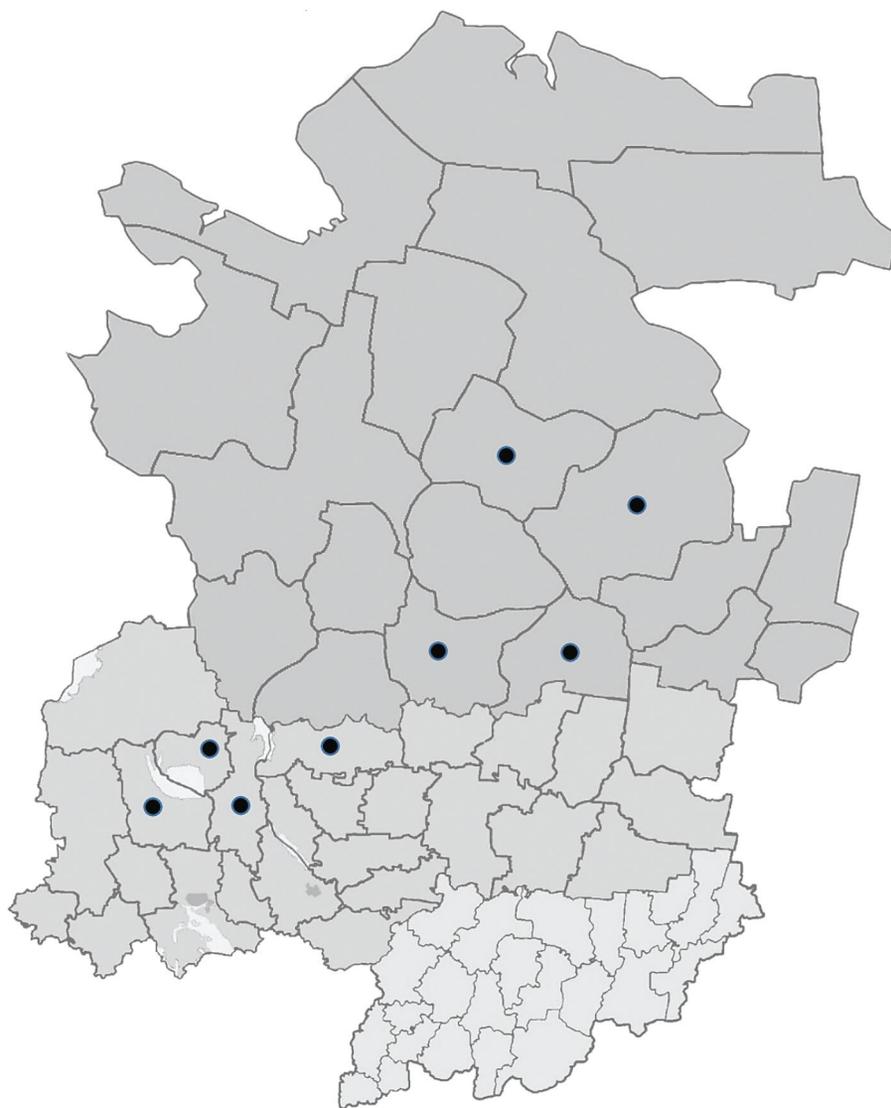

Рис. 2. Топоним *Репная Яма*

один песок, картошку возили на хранение, возили туда, ямы рыли” (Шексн); *Ям-бор*, поле – “Прежние люди ямы копали там, картошку хранили” (В-Т); однако, учитывая относительно недавнее появление картофеля на Русском Севере, стоит предполагать, что изначально в подобного типа ямах хранили репу.

Что касается лексикографических источников, то, вероятно, в силу близости семантики хозяйственно-географического термина *яма* (“лесная необорудованная яма для хранения репы или других овощей”) к литературному слову и его семантике, он не отмечен в диалектных словарях по северо-западной территории, хотя, несомненно, подобные фиксации позволили бы уточ-

нить ареал этой хозяйственной практики. В то же время термины *яма репная*, *яма картовная* (или просто *яма*) характерны для Вятки, Прикамья, Среднего Урала, а также встречаются в Башкирии, однако здесь *репные ямы*, предназначенные для хранения овощей, находились вблизи дома и были оборудованы как погреб. Немаловажно, что, несмотря на давнее сокращение посадок репы, термин *яма* долгое время сохранял на этих территориях определение *репная*, ср. вят., перм., среднеурал., южн.-прикам., башкир. (рус.) *репная яма*: среднеурал. “Раньше вот репна яма называли. Зимой снегу туда набросают, чтобы холод-от был, и все лето молоко туда спускают. Пощему-то репная яма. А ставили туда молоко, сметану, мясо, у кого есть” (ДЭИС 2009); среднеурал. “Сбегай-ка по картошку в репну яму”, “Репну яму обыкновенно рыли в огороде” (*Востриков и др.* 1984: 75; СРГБ 2008: 290); вят. “Репна яма — ссыпать овощи: выроют яму, запеледят, с боков омельем закроют, а стенки и потолок деревянны”, “Репные ямы и погреба были” (ОСВГ 9: 193); перм. “Картовая яма считается репная: туда и картовь, и репу кладут на зиму” (СПГ 2002: 527). С этим термином связано и до сих пор употребляемое в городском просторечии г. Екатеринбурга и некоторых городов Свердловской области слово *ямка* — “холодный погреб для хранения овощей неподалеку от дома” (из личных записей автора, а также см.: *Востриков и др.* 1988: 71).

Что касается Зауралья и Сибири, то в словарях этих территорий термин *яма* практически не упоминается; встречаются лишь единичные фиксации типа тюмен. *репная яма*: “Яма репная была, картошку сыплем” (Вагайский р-н) (СРСГЮТО 2014: 233) или алт. *ямка*: “Подпол — это в избе, а на улице — ямка называлась” (шир. распр.) (*Воробьева, Иванова* 1998: 254). В то же время термин *яма* был отмечен при полевых этнографических исследованиях в Красноярском крае (*Федоров и др.* 2017). В Енисейском и Богучанском районах так называли земляную яму, выкапываемую в огороде для хранения части урожая овощей: “Осенью в нее засыпается половина урожая картофеля и моркови (вторая половина спускается в подполье). Сверху яма закрывается сеном или соломой, присыпается землей, иногда опилками и так под снегом оставляется до весны” (Там же: 360). Очевидно, что русские Сибири практиковали придомовые ямы-овощехранилища, однако лексикографически эта традиция не была зафиксирована.

Интересные свидетельства о существовании “репных ям” дают севернорусские фольклорные тексты. Упоминание “репной ямы” как пространственной границы встречаем в былине “Добрыня и Алеша”: “Скачет конь по версты по мерныя, / Ископыт по ямы по репныя” (*Бобунова, Хроленко* 2006: 40). В сказке “Звери-плакальщики”, записанной на Шокшозере Лодейнопольского округа Олонецкой губернии, звери оказываются *в репной яме*, откуда не могут выбраться и где хитростью остается в живых только лиса (*Еремينا, Жекулина* 1996: 308–309). “Репные ямы” нередко оказываются нечистым локусом в силу удаленности от жилья и подземного расположения: в олонецкой сказке “Любитель сказок” в репную яму прячется мужик-оборотень в образе медведя (Там же: 219–220). По вятским поверьям, чтобы избавиться от лихорадки, следовало измазать лицо сажей или грязью и забраться *в репную яму*. Когда лихорадка в виде прекрасной женщины подойдет к краю ямы и станет просить больного выйти оттуда, он не должен подавать признаков жизни. «Лихорадка наконец плюнет на лежащего и скажет: “Не приду к тебе больше вовек! Ты безобразен, выпачкан, обмаран!” — и уйдет навсегда» (*Новичкова* 1995: 347).

Таким образом, на основе лексических и топонимических данных можно сделать вывод о существовании северной культуры временного или постоянного хранения репы в лесных земляных ямах в непосредственной близости с местом ее посадки. Учитывая, что на более южных русских территориях были распространены придомовые ямы (нередко более обустроенные, со срубками и крышами), выскажем осторожное предположение, что традиция хранения репы на удаленных лесных угодьях сформировалась именно в зоне подсечно-огневого земледелия и под влиянием финно-угорских хозяйственных практик.

Так, в этнографической литературе известны свидетельства о том, что вепсы держали репу на подсеке в яме, а затем привозили домой и опускали в подполье (Винокурова 2011: 21). Уборка репы в ямы у карел приурочена к Воздвижению (14/27 сентября), которое считалось “репным” праздником и завершало осенние полевые работы, что нашло отражение в присловье *Zviizendäs nagzehet kuappas da akat päčil* (“С Воздвиженья репа в ямах, а бабы на печи”) (Жербин и др. 1983: 106). В одной из карельских сказок объем урожая репы оценивается в “две ямы” (КНС 1967: 375). Яма с репой встречается как объект карельских загадок, ср. *Perti ikkunatoi, tayzi perti istujua* (“Имба без окон – полна народу”) (КНЗ 1982: 102). Свидетельства об организации *репных ям* отмечены на территории с. Лойма Прилузского района Республики Коми. Описанный Ю.А. Крашенинниковой обычай *хоронить по-репному*, т.е. хоронить заложных покойников временно, а затем перезахоранивать на постоянном месте, среди прочего связывается с практикой временного сохранения репы на месте ее сбора в неглубоких ямах:

Хоронить по-репному? Это уж мелко, мелко. Ну, по-репному-то – это мелко, это по-репному и называется. Это репу раньше насыют, и репу мелконько захоронят, чтобы с осени сразу ее домой принести. Выжгут там вот лес, выжгут, и репу насеют. Неглубокую ямку, полметра, выроют и репу заруют. Потом ее как заморозки будут, снег пойдет, и ее увозят домой. Репу-то ведь не насыют тут близко, тащат подальше, кто где мог. Раньше везде поля, все засеяно было совхозом, колхозом (Крашенинникова 2009: 305).

Подобно тому как репу до сильных морозов и становления санного пути сохраняли в ямах на поле или в лесу, а потом перевозили на постоянное хранение в дом, заложных покойников хоронили *по-репному*, т.е. временно, в неглубоких земляных ямах, а затем переносили тело на место постоянного захоронения (подробнее см.: Крашенинникова 2009: 301). Т.Н. Бунчук, комментируя этот обычай, предлагает иную версию его интерпретации, опирающуюся на приписываемые репе символические признаки – “ненастоящий, первый, и потому еще не настоящий, временный; предшествующий действительному/правильному” (Бунчук 2010: 184, 185).

* * *

В поле зрения статьи оказались по сути два небольших языковых факта – севернорусский диалектизм *репище* и выражение *репная яма*. Между тем *репище* является важным индикатором распространения подсечно-огневого земледелия и традиции возделывания репы как основной сельскохозяйственной культуры, а *репная яма* выявляет ранее подробно не описанную практику лесного хранения репы, имеющую аналогию в культуре финно-угорских народов, контактировав-

ших с русскими на изучаемых нами территориях. В целом же лексика, связанная с возделыванием, приготовлением и употреблением репы (последняя осталась за страницами этого исследования), открывает важную, но пока малоизученную область этнографии — историю овощных культур. Несомненно, требуют дальнейшего изучения пути проникновения овощей на Русский Север, особенности районирования и культивирования, а также трансформации рациона, связанные с изменением состава овощей: история перехода от репы к картофелю, традиции севернорусского луководства, ареалы и практики возделывания капусты и гороха, а также особенности освоения новых сельскохозяйственных культур — огурцов, моркови, свеклы и проч. В решении этих вопросов лексические данные, несомненно, играют принципиально важную роль.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”.

Примечания

¹ “В огородах карела не встретишь капусты, брюквы, редьки, — разве из ста человек трое-четверо сядят овощи <...> Даже картофеля сядят меньше, чем репы” (*Георгиевский* 1890: 765). О возделывании репы карелами и вепсами также см.: *Клементьев, Шлыгина* 2003: 255, 398–399.

² Тема *репищ* затрагивается в статье И.Н. Дьячковой и Т.М. Доли (*Дьячкова, Доля* 2023), опирающейся на общерусские данные, однако в нашем исследовании выбран принципиально более узкий ареал Русского Севера и существенно расширена фактографическая база за счет данных полевых исследований Топонимической экспедиции УрФУ.

³ А.В. Приображенский отмечает распространение термина *репище* (“поле, место в поле, засеваемое репой”) и в северо-западной, и в северо-восточной русской зоне, а также в южно-русских и среднерусских говорах (*Приображенский* 2004: 89–90).

⁴ Сложность с поиском земли для посадки репы и использование для этого не самых удобных лесных или прибрежных участков, вероятно, нашли отражение в мотиве сева репы на крыше, сквозного для русского и финно-угорского фольклора: в вологодской сказке старик посеял репу на крыше, а потом проходящие мимо одноног, двуног, треног и т.д. пытались помочь старику и старухе вытянуть репку (РК 2006–2009, 5/3: 33); в русской водлозерской и мордовской сказках старик сеет репу на крыше, а затем при сборе репы старуха падает с крыши и разбивается (*Лылова* 2013: 269; *Шахматов* 1910: 331–334).

⁵ Указывается именно число фиксаций, а не топонимов, количество которых будет меньше.

⁶ Характерные для фольклора символические мотивы, сопровождающие обстоятельства посадки репы (связь с нечистой силой, мотив воровства, телесного низа и гениталий) и проявленные в фольклоре, народных верованиях и ритуалах, подробно рассмотрены в статьях Т.Н. Бунчук (*Бунчук* 2000), И.Н. Дьячковой и Т.М. Доли (*Дьячкова, Доля* 2023), поэтому позволим себе не касаться этой проблематики.

⁷ Плеванием сеяли репу и финно-угры (*Тарова* 1965: 26).

⁸ Об этом мотиве подробнее см., напр.: *Дьячкова, Доля* 2023: 31.

⁹ Эти знания заставляют по-другому взглянуть на завязку сказки “Репка”: действительно, сбор столь крупных плодов мог быть достаточно трудоемким.

Сокращения (названия районов)

Бел – Белозерский р-н Архангельской обл.
 В-Важ – Верховажский р-н Вологодской обл.
 Вель – Вельский р-н Архангельской обл.
 Вох – Вохомский р-н Костромской обл.
 В-Т – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
 В-Уст – Великоустюгский р-н Вологодской обл.
 Выт – Вытегорский р-н Вологодской обл.
 Кад – Кадуйский р-н Вологодской обл.
 Кадый – Кадыйский р-н Костромской обл.
 Карг – Каргопольский р-н Архангельской обл.
 К-Б – Красноборский р-н Архангельской обл.
 Кир – Кирилловский р-н Вологодской обл.
 Кон – Коношский р-н Архангельской обл.
 Кондоп – Кондопожский р-н Республики Карелия
 К-С – Красносельский р-н Костромской обл.
 Лен – Ленский р-н Архангельской обл.
 Леш – Лешуконский р-н Архангельской обл.
 Мак – Макарьевский р-н Костромской обл.
 Медв – Медвежьегорский р-н Республики Карелия
 Ней – Нейский р-н Костромской обл.
 Ник – Никольский р-н Вологодской обл.
 Нянд – Няндомский р-н Архангельской обл.
 Окт – Октябрьский р-н Костромской обл.
 Онеж – Онежский р-н Архангельской обл.
 Пав – Павинский р-н Костромской обл.
 Парф – Парфеньевский р-н Костромской обл.
 Плес – Плесецкий р-н Архангельской обл.
 Пудож – Пудожский р-н Республики Карелия
 С-Гал – Солигаличский р-н Костромской обл.
 У-Куб – Усть-Кубинский р-н Вологодской обл.
 Уст – Устьянский р-н Архангельской обл.
 Хар – Харовский р-н Вологодской обл.
 Холм – Холмогорский р-н Архангельской обл.
 Шексн – Шекснинский р-н Архангельской обл.

Сокращения (названия диалектов)

алт. – русские говоры на территории Республики Алтай
 арх. – архангельское
 башкир. (рус.) – русские говоры на территории Республики Башкирия
 волог. – вологодское
 вят. – вятское
 енис. – енисейское
 карел. (рус.) – русские говоры на территории Республики Карелия
 новг. – новгородское
 олон. – олонечское
 онеж. – онежское
 перм. – пермское
 сиб. – сибирское
 среднеурал. – среднеуральское
 твер. – тверское
 тюмен. – тюменское
 южн.-прикам. – южноприкамское

Источники и материалы

- Алёшина* 2018 – *Алёшина К.Т.* Из истории земледелия // Проза.ру. 2018. <https://proza.ru/2018/01/28/1508>
- Алёшина-Матюшина* 2010 – *Алёшина-Матюшина К.Т.* Вертосельга // Вытегра: краеведческий альманах. Вып. 4 / Гл. ред. серии М.А. Безнин. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. С. 308–384.
- СРНГ 2003 – Словарь русских народных говоров. Вып. 27, Печечки – Поделывать / Сост. Н.И. Андреева-Васина и др. СПб.: Наука, 2003.
- Атрошенко и др.* 2015 – *Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова (Пьянкова) К.В.* Русский народный календарь: этнолингвистический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС, 2015.
- Бобунова, Хроленко* 2006 – *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.
- СПГ 2002 – Словарь пермских говоров. Вып. 2, О–Я / Сост. А.Н. Борисова и др. Пермь: Книжный мир, 2002.
- ВНС 1996 – Вепские народные сказки / Сост. Н.Ф. Онегина, М.И. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 1996.
- Воробьева, Иванова* 1998 – Словарь русских говоров Алтая. Т. IV, Буквы Р–Я / Ред. И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998.
- Востриков и др.* 1984 – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Т. 5, Пристановье – Скалянка / Ред. О.В. Востриков и др. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1984.
- Востриков и др.* 1988 – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Т. 7, Цабура – Яшной / Ред. О.В. Востриков и др. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988.
- Гемп* 2004 – *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 2004.
- Георгиевский* 1890 – *Георгиевский М.Д.* Из народной жизни // Олонецкие Губернские Ведомости. 1890. № 75. С. 764–765.
- ДЭИС 2009 – Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [электронный ресурс] / Авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург, 2009.
- Едемский* 1913 – *Едемский М.Б.* О крестьянских постройках на Севере России. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1913.
- Еремина, Жекулина* 1996 – Заветные сказки: из собрания Н.Е. Ончукова / Изд. подг. В.И. Еремина, В.И. Жекулина. М.: Ладомир, 1996.
- Ефименко* 1869 – *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск: Губ. тип., 1869.
- Иваницкий* 1890 – *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II / Под ред. Н. Харузина. М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1890.
- КНЗ 1982 – Карельские народные загадки / Ин-т яз., лит. и истории Карел, фил. АН СССР; изд. подг. Н.А. Лавонен; ред. Э.С. Киуру, В.Д. Рягоев. Петрозаводск: Карелия, 1982.
- КНС 1967 – Карельские народные сказки: Южная Карелия / Изд. подг. У.С. Конкка, А.С. Тупицына. Л.: Наука, 1967.
- КНС 2010 – Карельские народные сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010.

- Конькова* 2009 – Предания и сказки водского народа. Vad'd'aa rahvaa jutud ja kaazgad / Сост., авт. вступ. ст. О.И. Конькова. СПб.: МАЭ РАН, 2009.
- Криничная* 1989 – Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и прим. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989.
- Крысанов и др.* 2011 – Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций) / Ред. А.А. Крысанов и др. Онега; Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2011.
- КСГРС б.г.– Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ЛКТЭ б.г.– Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Лойченко* 2022 – *Лойченко С.* Кенозерский парк – это та лупа, через которую мы можем заглянуть в прошлое // Достояние Севера. 05.06.2022. <https://dostoyanie-severa.ru/александр-kozyкин>
- Лызлова* 2013 – Сказки Водлозерья / Сост. А. Лызлова. Петрозаводск: ИП Барбашина Е.А., 2013.
- Мелехова* 1993 – Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 1 / Авт.-сост. Г.Н. Мелехова. М., 1993.
- Онегина* 1986 – Сказки Заонежья / Сост. Н.Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986.
- Полякова* 2010 – *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 2 т. Т. 2, П–Я / Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010.
- Приложение 2012 – Приложение. Ракуло-Кокшеньга, Вельский р-н, Архангельская обл. // Фольклор и постфольклор. Архив Учебно-научной Лаборатории фольклористики ИФИ РГГУ. https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/sna_5.htm
- Прус* 2020 – *Прус Ю.* Почему в Кенозерье нет коренных лесов? // Кенозерье: эколого-просветительская газета. № 1–2 (65–66). 2020. С. 20–21. https://oort.info/shtilmark/oort_periodic/pdf/Kenozerje_2020_1–2.pdf
- РК 2006–2009 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 2, Ярославская губерния. Ч. 1, Пошехонский уезд (2/1); Т. 5, Вологодская губерния. Ч. 1, Вельский и Вологодский уезды (5/1). Ч. 2, Грязовецкий и Кадниковский уезды (5/2). Ч. 3, Никольский и Сольвычегодский уезды (5/3); Т. 7, Новгородская губерния. Ч. 3, Череповецкий уезд (7/3). СПб.: Навигатор; Деловая полиграфия, 2006–2009.
- Симонсуури* 1991 – *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск: Карелия, 1991.
- СРГБ 2008 – Словарь русских говоров Башкирии, А–Я / Сост. И.П. Березовская-Пономарева и др.; под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК 2002 – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 5, Подозорье – Свильнуть / Отв. ред. Л.В. Зубова, И.С. Лутовинова, О.А. Черепанова; гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.

- Срезневский* 1989 – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: репринтное издание: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Книга, 1989.
- СРСГЮТО 2014 – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области: В 2 т. Т. 2 / Авт.-сост. М.А. Романова и др.; под ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014.
- Старины и сказки 2009 – Старины и сказки в записях О.Э. Озаровской. М.: ОГИ, 2009.
- ТК б.г. – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Угрюмов* 2003 – *Угрюмов А.А.* Кокшеньга: историко-этнографические очерки. Вологда, 2003.
- Шаламова* 1997 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22, Раскидаться – Рященко / Ред. вып. А.Н. Шаламова. М.: Наука, 1997.
- Шахматов* 1910 – *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910.

Научная литература

- Баранова Л.А.* Репа и ее “родственники” // Русская речь. 2017. № 2. С. 123–128.
- Бексеев Ш.Г.* Большая энциклопедия огородничества: БЭО. СПб.: Диля, 1999.
- Березович Е.Л., Усачева В.В.* Репа // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4, П (Переправа через воду) – С (Сито) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. С. 424–427.
- Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства / Под ред. К.В. Чистова. Л.: Наука, 1978.
- Блюмквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. Т. XXXI / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. С. 3–458.
- Болдырева В.Г., Толкачева С.В.* Русская свадьба Среднего Прикамья. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ Уро РАН; Шелест, 2018.
- Бунчук Т.Н.* Репа в традиционной картине мира (опыт реконструкции концепта) // Лингвофольклористика: сборник научных статей. Вып. 3 / Отв. ред. А.Т. Хроленко. Курск: Изд-во КГПУ, 2000. С. 44–56.
- Бунчук Т.Н.* *Хоронить по-репному*: к этнолингвистической интерпретации севернорусской фразеологической единицы // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 183–190.
- Винокурова И.Ю.* Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.
- Власова И.В.* Народное сознание и культура севернорусского населения // Очерки русской народной культуры / Отв. ред., сост. И.В. Власова. М.: Наука, 2009. С. 113–196.
- Дьячкова И.Н., Доля Т.М.* “Хороша девка, как репка”: этнолингвистический портрет реалии репа в русском языке // *Studia Humanitatis Borealis*. 2023. № 2 (27). С. 30–38. <https://doi.org/10.15393/j12.art.2023.3965>

- Жербин А.С. и др.* Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983.
- Иткина Е.И.* (сост.) Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века: Альбом: из собрания Государственного Исторического музея, Москва. М.: Русская книга, 1992.
- Клементьев Е.И., Шлыгина Н.В.* (отв. ред.) Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003.
- Колосова В.Б.* Цветы // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5, С (Сказка) – Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. С. 476–480.
- Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978.
- Крашенинникова Ю.А.* Похороны “по-репному” (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299–310.
- Куркина Л.В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011.
- Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – нач. XX в.). СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1993.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2006.
- Новичкова Т.А.* (авт.-сост.) Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995.
- Пивоваров В.Ф., Солдатенко А.В.* История овощеводства российского. М.: ФНЦО, 2022.
- Приображенский А.В.* Диалектная база русской топонимии Карельского Поморья и Обонежья // Севернорусские говоры. Вып. 8 / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 87–99.
- Тароева Р.Ф.* Материальная культура карел. М.; Л.: Наука, 1965.
- Топоров В.Н.* О двух уровнях понимания русской сказки о репке (семантика и этимология) // Сокровенные смыслы: слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 513–530.
- Федоров Р.Ю., Лысенко Д.Н., Аболина Л.А.* “Погреб с напогребницей”: дворцовые постройки для хранения продуктов в XVII–XXI веках (Ангаро-Енисейский регион) // Культура русских в археологических исследованиях / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: ИД “Наука”, 2017. С. 357–363.
- Фомичев С.А.* Репа в русском фольклоре и литературе // Русский фольклор: материалы и исследования. 2022. № 39. С. 175–182. <https://doi.org/10.31860/0136-7447-2022-39-175-182>

Research Article

Osipova, K.V. Traditions of Cultivation and Storage of Turnips in the Russian North: The View of an Ethnolinguist [Traditsii vozdelevaniia i khraneniia repy na Russkom Severe: vzgliad etnolingvista]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 3, pp. 180–200. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030103>
EDN: BRBPOY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kseniia Osipova | <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112> | osipova.ks.v@yandex.ru | Ural Federal University (19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)

Keywords

Russian North, ethnolinguistics, toponymics, dialects, history of agricultural crops, turnip

Abstract

The article is drawn on lexical and onomastic data collected during field research in the Arkhangelsk, Vologda, and Kostroma regions of Russia, as well as on relevant materials from lexicographic and ethnographic sources. It takes an ethnolinguistic standpoint to examine the toponyms and geographical terms that exhibit commonalities with the word *turnip* in various motifs, and explore the complex of cultural and linguistic phenomena related to the cultivation and storage of turnips. Areal topology and context analysis approaches to methodologies of studying vocabularies have been instrumental in reconstructing the specifics of turnip cultivation in slash-and-burn agricultural systems and discovering the influence of Baltic-Finnish everyday practices on Northern Russian traditions. The article discusses the geographical distribution of so called *repishche*, that is names given to forest areas burned and cleared for turnip, flax, and rye lots, as well as the tradition of constructing basic unequipped storage facilities called “turnip pits”.

References

- Baranova, L.A. 2017. Repa i ee “rodstvenniki” [Turnip and Its “Relatives”]. *Russkaia rech'* 2: 123–128.
- Bekseev, S.G. 1999. *Bol'shaia entsiklopediia ogorodnichestva: BEO* [Big Encyclopedia of Gardening: BEG]. St. Petersburg: Dilia.
- Berezovich, E.L., and V.V. Usacheva. 2009. Repa [Turnip]. In *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary, 5 vols]. Vol. 4, *P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito)* [P (Crossing the Water) – S (Sieve)], edited by N.I. Tolstoi, 424–427. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Bernshtam, T.A. 1978. *Pomory: formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Group Formation and Household System], edited by V. Chistov. Leningrad: Nauka.
- Bliumkvist, E.E. 1956. Krest'ianskie postroiiki russkikh, ukrainsev i belorusov (poseleniia, zhilishcha i khoziaistvennye stroeniia) [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (Settlements, Dwellings and Outbuildings)]. In *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik: ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX – nachale XX vv.* [East Slavic Ethnographic Collection: Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – Early 20th Centuries], edited by S.A. Tokarev, XXXI: 3–458. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Boldyreva, V.G., and S.V. Tolkacheva. 2018. *Russkaia svad'ba Srednego Prikam'ia* [Russian Wedding of the Middle Kama Region]. Izhevsk: Izdatel'stvo UIIaL Uro RAN; Shelest.
- Bunchuk, T.N. 2000. Repa v traditsionnoi kartine mira (opyt rekonstruktsii kontsepta) [Turnip in the Traditional Picture of the World (Experience of Concept Reconstruction)]. In *Lingvofol'kloristika: sbornik nauchnykh statei* [Lingvofolkloristics: Collection of Papers], edited by A.T. Khrolenko, 3: 44–56. Kursk: Izdatel'stvo KGPU.
- Bunchuk, T.N. 2010. *Khoronit' po-repnomu: k etnolingvističeskoi interpretatsii severnorusskoi frazeologicheskoi edinitsy* [Burying Like a Turnip: Towards an Ethnolinguistic Interpretation of a Northern Russian Phraseological Unit]. *Antropologicheskii forum* 13: 183–190.

- Dyachkova, I.N., and T.M. Dolya. 2023. “Khorosha devka, kak repka”: etnolingvističeskii portret realii repa v russkom iazyke [“What a Fine Girl! Pretty as a Turnip”: Ethnolinguistic Portrait of the Turnip as a Culture-Specific Item of the Russian Language]. *Studia Humanitatis Borealis* 2 (27): 30–38. <https://doi.org/10.15393/j12.art.2023.3965>
- Fedorov, R.Y., D.N. Lysenko, and L.A. Abolina. 2017. “Pogreb s napogrebitsei”: dvorovye postroiiki dlia khraneniia produktov v XVII–XXI vekakh (Angaro-Eniseiskii region) [“Pogreb s napogrebitsei”: Courtyard Buildings for Storing Food in the 17th – 21st Centuries (Angara-Yenisei Region)]. In *Kul'tura russkikh v arkheologičeskikh issledovaniiaxh* [Russian Culture in Archaeological Research], edited by L.V. Tataurova, 357–363. Omsk: Izdatel'skii dom “Nauka”.
- Fomichev, S.A. 2022. Repa v russkom fol'klоре i literature [Turnip in Russian Folklore and Literature]. *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniia* 39: 175–182. <https://doi.org/10.31860/0136-7447-2022-39-175-182>
- Itkina, E.I., ed. 1992. *Russkii risovannyi lubok kontsa XVIII – nachala XX veka: Al'bom: iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia, Moskva* [Russian Hand-Drawn Popular Print of the Late 18th – Early 20th Centuries: Album: From the Collection of the State Historical Museum, Moscow]. Moscow: Russkaia kniga.
- Klement'ev, E.I., and N.V. Shlygina, eds. 2003. *Pribaltiisko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish Peoples of Russia]. Moscow: Nauka.
- Kolosova, V.B. 2012. Tsvety [Flowers]. In *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary, 5 vols]. Vol. 5, *S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [S (Fairy Tale) – I (Lizard)], edited by N.I. Tolstoi, 476–480. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Kopanev, A.I. 1978. *Krest'ianstvo Russkogo Severa v XVI v.* [Peasantry of the Russian North in the 16th Century]. Leningrad: Nauka.
- Krashennikova, Y.A. 2009. Pokhorony “po-repnomu” (o nekotorykh faktakh pokhoronno-pominal'noi obriadnosti severnykh russkikh) [Funeral “Po-repnomu” (On Some Facts of Funeral and Memorial Rituals of Northern Russians)]. *Antropologičeskii forum* 10: 299–310.
- Kurkina, L.V. 2011. *Kul'tura podsečno-ognevogo zemledeliia v zerkale yazyka* [The Culture of Slash-and-Burn Agriculture in the Mirror of Language]. Moscow: Azbukovnik.
- Loginov, K.K. 1993. *Material'naia kul'tura i proizvodstvenno-bytovaia magiia russkikh Zaonezh'ia (konets XIX – nachalo XX v.)* [Material Culture and Industrial and Everyday Magic of the Russians of Zaonezhie (Late 19th – Early 20th Centuries)]. St. Petersburg: Nauka: Sankt-Peterburgskaia izdatel'skaia firma.
- Milov, L.V. 2006. *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.
- Novichkova, T.A. 1995. *Russkii demonologičeskii slovar'* [Russian Demonological Dictionary]. St. Petersburg: Peterburgskii pisatel'.
- Pivovarov, V.F., and A.V. Soldatenko. 2022. *Istoriia ovoshchevodstva rossiiskogo* [History of Russian Vegetable Growing]. Moscow: FNTsO.
- Priobrazhenskii, A.V. 2004. Dialektnaia baza russkoi toponimii Karel'skogo Pomor'ia i Obonezh'ia [Dialect Base of Russian Toponymy of Karelian Pomerania and Obonezhie]. In *Severnorrusskie govory* [Northern Russian Dialects], edited by A.S. Gerd, 8: 87–99. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

- Taroeva, R.F. 1965. *Material'naia kul'tura karel* [Material Culture of Karelians]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Toporov, V.N. 2004. O dvukh urovniakh ponimaniia russkoi skazki o repke (semantika i etimologiya) [On Two Levels of Understanding the Russian Fairy Tale about the Turnip (Semantics and Etymology)]. In *Sokrovennye smysly: slovo, tekst, kul'tura. Sbornik statei v chest' N.D. Arutiunovoi* [Hidden Meanings: The Word, Text, Culture], edited by Y.D. Apresian, 513–530. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Vinokurova, I.Y. 2011. *Obychai, ritualy i prazdniki v traditsionnoi kul'ture vepsov* [Customs, Rituals and Holidays in the Traditional Vepsian Culture]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Vlasova, I.V. 2009. Narodnoe soznanie i kul'tura severnorusskogo naseleniia [National Consciousness and Culture of the Northern Russian Population]. In *Ocherki russkoi narodnoi kul'tury* [Essays on Russian Folk Culture], edited by I.V. Vlasova, 113–196. Moscow: Nauka.
- Zherbin, A.S., et al. 1983. *Karely Karel'skoi ASSR* [Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Petrozavodsk: Kareliia.